

CRIME & PRIVATE

анна
Данилова

ОДИНОКИЕ НОЧИ ВДВОЕМ

Она так любит жизнь, но ищет смерти...

Анна Данилова
Одинокие ночи вдвоем

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183879
Миш Коко Банча: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35486-3*

Аннотация

Когда жизнь оборачивается к тебе своей самой неприглядной стороной, остается одно – выстоять любой ценой. Об этом знает Дина Каракозова – мать четырнадцатилетней Оли, по вине бывшего сожителя оказавшаяся вместе с дочерью на самом дне. Но мир не без добрых людей... На Динином пути возникает Ефим Ананьев, который предлагает ей место на своей ферме. Работа очень привлекательная и хорошо оплачиваемая – исполнять роль жены Ефима. Дина, конечно же, соглашается, даже несмотря на особое условие: у Дины ни в коем случае не должно быть детей...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Данилова Одиноким ночам вдвоем

Дорогой писатель Литерс!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

«В поселке Чернозубовка на молодую женщину сегодня, 6 ноября, напала стая бродячих собак. Это произошло на самой окраине села, неподалеку от фермы, принадлежащей Е.А., в глухом, почти безлюдном месте. Медиков и спасателей собаки долго не подпускали к жертве, пока та не перестала подавать признаки жизни. Медики зафиксировали смерть. Собаки пытались вернуться, чтобы закончить трапезу, но одна из них была убита сотрудником милиции, после чего остальные разбежались».

Глава 1

2008 г., ноябрь

У меня совершенно дурацкое имя и такая же нелепая фамилия. Зовут меня Глафира, а фамилия (спасибо папочке, который бросил нас с мамой лет двадцать пять тому назад) Кифер. Глаша Кифер – это смертельно для подростка с травмированной психикой («Глашка Кефир!»). Чем, скажете, травмированной? Да всем подряд. Моей врожденной эмоциональностью и способностью принимать все близко к сердцу. Плюс – моей врожденной, как мне думается, полнотой, хотя это еще вопрос – возможно, моя мама из-за непомерной любви к своей единственной дочке и чувства вины из-за отсутствия отца просто перекармливала меня. Да и класс у нас был недружный, все какие-то грубые, жестокие, злые, как волчата. Я никогда не любила школу и, как мне казалось, больше всех своих одноклассников ждала, когда же закончится урок, когда прозвенит звонок. И моя неистребимая нелюбовь к школе и ко всему общественному выразилась в полную силу на выпускном балу, к которому я тщательно, как и все наши девчонки, готовилась, но на который так и не пошла – передумала. Надела сшитое моей гениальной мамой-портнихой платье и отправилась праздновать свою свободу со своей лучшей подругой Лизкой. Мы вдвоем катались с ней на прогулочном катере по Волге, ужинали в дорогом ресторане, а потом пошли в кино на новую серию Джеймса Бонда... После кино познакомились с двумя парнями, которые отбились от своей «выпускной» компании, вместе с ними завалились в пивной бар, потом каким-то образом оказались в китайском ресторане и уже далеко за полночь вернулись домой в сопровождении все этих же парней. Потом одному стало плохо, мы вызвали ему такси, и он поехал домой, а с другим парнем (имени я его не помню, как и Лизка) моя подруга целовалась почти до утра в моем подъезде, а я сторожила их, устроившись на ступеньках нижнего этажа, в глубине души жалея любвеобильную Лизку. Мы обе прекрасно знали, что дальше этой «лестничной» страсти дело все равно не пойдет.

Лизка! Это не девушка, это песня. И все те, кто знаком с ней, считают точно так же. Она очень красивая, не то что я. Стройная, русоволосая, с потрясающей фигурой. Еще умная, все схватывает на лету, у нее не мозги, а процессор. Лиза – очень серьезный человек, образованный, но порой, наблюдая за ней, кажется, что все то, чем она занимается по жизни, – мелочь по сравнению с ее любовными переживаниями.

Забыла сказать, Лиза Травина – адвокат. Она молодая, однако клиентов у нее хоть отбавляй.

– Глаша, ужасно лень, – стонет она, – но все же придется открывать свой кабинет. Покупать квартиру на первом этаже в хорошем районе, превращать ее в офис, ремонтировать... После этого надо будет нанять парочку-другую адвокатов, купить компьютеры, принтеры, сканеры...

– И велосипеды, – подсказала я.

– Какие еще велосипеды?

Разговор происходил у нее дома. Она сидела, вернее, почти лежала на своем огромном сером диване, точнее, на пышных его валиках, набитых гусиным пухом, устроив ноги на предназначенном для этого столике, курила и рассматривала гладкий белый потолок.

– Глаша, зачем велосипеды? – Она повторила свой вопрос, лениво растягивая каждое слово.

– Ты же сама говорила про здоровый образ жизни. Что, мол, все время сидишь за компьютером... то есть находишься без движения...

– Глаша, ты что-то путаешь. Это ты с утра до ночи сидишь за компьютером, а я ношусь по городу, как собака...

– Ты то в машине часами кого-то выслеживаешь, то на судебных заседаниях сидишь... опять же неподвижно... – подсказала я, медленно, но верно подвигая ее к мысли о велосипедах, которые нужны были в первую очередь, конечно, мне.

– Да. Сижу, ну и что?

– Да то, что заработаешь себе геморрой.

– Глашка! Говори яснее!

– Давай купим по велосипеду, – заныла я. – Будем вечерами кататься... Здоровый образ жизни.

– Глафира, – она слегка подняла голову, чтобы заглянуть в мои бесстыжие глаза. – Это ты весишь, моя дорогая, сто пятьдесят восемь килограммов, вот ты и катайся. А мне-то с какого припеку? У меня вообще бараний вес – сорок пять килограммов.

– Не прибедайся. Пятьдесят пять. Но я не могу одна кататься, понимаешь? Мне скучно и неинтересно. А так... Поедем куда-нибудь за город... Подышим заодно свежим воздухом, – пропела я. – Ты легкие свои провентилируешь.

– Ладно, – она снова откинулась на мягкий валик дивана. – Уговорила. Велосипеды так велосипеды. Они на самом деле полезны. Но вообще-то я говорила о том, что нужен офис, адвокаты... Боже, как представляю себе все это...

Она тяжело вздохнула, прокручивая в голове весь процесс открытия новой адвокатской конторы.

– Я помогу, – скромно предложила я ей свои услуги как бы в благодарность за ее согласие обзавестись такими полезными вещами, как велосипеды.

Тут надо признаться, что по профессии я, как и моя мама, портниха. Но шить на красивых и стройных заказчиц в то время, как ты сама сдобная плюшка необъятных размеров, – занятие оскорбительное, приводящее в уныние. Лиза об этом знала, поэтому пару лет назад, когда я пребывала в очередной депрессии, связанной с очередными приобретенными килограммами, с легкостью пригласила меня к себе помощницей.

– Если, конечно, хочешь, – предупредила она меня самым строгим тоном, на какой только была способна. – Поскольку обязанности у тебя будут самые разные. Целый букет обязанностей, – добавила она, подумав. И стала загибать пальцы... Однако не хватило всех – на руках и ногах. Пришлось пойти по второму кругу...

– Ты же понимаешь, что я не простой адвокат. – Она, морща лоб, сосредоточенно придумывала для меня все новые и новые, казалось бы, совершенно идиотские обязанности. – Я адвокат по принципу, защитник невиновных или тех, кто поначалу производит впечатление невиновных. Мало сказать красивую речь на суде. Надо сделать так, чтобы честный человек ни в коем случае не приходил в суд с кучей улики в папке следователя и, автоматически, потенциальным приговором...

И хоть говорила она сложно и витиевато, я все понимала, поскольку знала, что она помогала многим своим клиентам еще на уровне следствия, и это в основном с ее помощью добывались улики, при помощи которых на скамью подсудимых впоследствии садились настоящие преступники, а не ее подозреваемые в преступлении клиенты. Но это случалось, когда клиент обращался вовремя, только еще почуяв нависшую над ним опасность. Когда же до суда оставалось несколько часов (бывало и такое), Лиза призывала на помощь

весь свой интеллект, фантазию, опыт и интуицию, подключала к делу штат оплачиваемых «свидетелей» (тихих и преданных ей людей), которые уличали в преступлении совершенно других (как правило, несуществующих в природе) людей, и все равно выигрывала дело. Она – творческий человек, еще очень азартный, работоспособный и одновременно ленивый. Я и сама удивляюсь, как все это может совмещаться в одном человеке. Но тем не менее...

– Глаша, – говорила она тогда с жаром, очерчивая круг моих обязанностей, – ты должна постоянно быть у меня на подхвате и делать абсолютно все, о чем я бы тебя ни просила, понимаешь? Куда-то пойти, поехать, позвонить, добыть, узнать, сварить кофе, заказать столик в ресторане, сделать мне массаж, сбежать за сигаретами, пойти со мной в суд, не ходить со мной в суд, контролировать работу тех адвокатов, которых я найму, следить, чтобы все их гонорары проходили через мою кассу, вести бухгалтерию, присматривать за моей домработницей, следить, нет ли в моей квартире или в офисе тараканов, готовить нам с тобой обед, а также время от времени читать мне лекцию о вреде курения... Конечно, я многое забыла, но вспомню по ходу дела. Ну как, ты согласна?

Она поморщила свой маленький носик, словно мучительно вспоминая самую важную обязанность, но мысль, видать, от нее уже ускользнула.

– Хорошо, потом что-нибудь еще вспомню. Ты, наверное, Глаша, захочешь спросить меня о зарплате. Ты меня знаешь. Я человек экономный, деньгами разбрасываться не люблю, считаю каждую копейку.

Теперь была моя очередь заглянуть в ее глаза. Не далее как на прошлой неделе (точка отсчета приходится, разумеется, на тот памятный день, когда она сделала мне предложение работать у нее) она купила себе бальное платье – розовую балетную пачку в блестках. За две с половиной тысячи долларов. Причем зная, что никуда в нем никогда не выйдет – имидж не тот. Плюс набор французских кастрюль, которыми тоже никогда не будет пользоваться. Еще дала в долг своей ушедшей домработнице пятьсот евро, подарила какому-то бомжу серебряную зажигалку («Глаха, у меня сегодня такое дарительное настроение!»). И это при том, что она постоянно считает деньги, раскладывает по конвертикам: это на еду, это на коммунальные услуги, телефон... Расточительная скряга.

– Первый месяц – испытательный срок с окладом в тысячу евро. А там – видно будет. Да! Вспомнила! Ты будешь контролировать строительство офиса!!!

Про офис она говорила и два года тому назад, но дальше разговоров дело не пошло – слишком много было у нас дел, чтобы отвлекаться на такое сложное и муторное предприятие. Я не могла не напомнить ей об этом.

– Ну и что, что говорила? Значит, эта тема сидит у меня в одном месте, как заноза. Мне трудно одной, понимаешь? Люди обращаются ко мне за помощью, а я физически не в состоянии им помочь – я не могу разорваться сразу на двадцать судебных процессов...

– Но ты разрываешься... К тому же, не забывай, тебе за это деньги платят. И немалые. И не один адвокат мечтал бы оказаться на твоём месте.

– Глаша, какая ты, однако, алчная!

Я прикусила губу, ведь я имела свой процент от гонораров, не считая твердого оклада.

– Я не алчная, просто у меня мечта.

– Да знаю я твою мечту – хочешь собственную квартиру. Ну зачем она тебе? Я же сняла тебе квартиру рядом с собой. А что? Очень даже удобно. Ты всегда под рукой. Причем это я оплачиваю ее, ты не забыла?

– Не забыла, – я взмахнула ресницами. – Но это чужая квартира. Я не могу отремонтировать ее по своему вкусу... Я знаю, что все там не мое... Лиза, да что я объясняю тебе прописные истины?

– Ну так что же ты еще не купила себе свою, собственную квартиру?

– Откуда у меня такие деньги?

– А банки на что? Идешь в банк, берешь кредит...

– ... и выплачиваешь двадцать лет двойную сумму. Я не хочу. Хочу сама накопить и купить.

– Тогда почему же еще не купила? Знаешь, сколько я заплатила тебе за те два года, что ты у меня работаешь?

И тут она, кряхтя, как старая развалина, поднялась с мягчайшего дивана, добралась до шкафа, достала оттуда тоненькую папочку, раскрыла ее и положила на стол листок.

– Вот, считай сама...

Я была потрясена тем порядком, который царил, оказывается, в документах Лизы, человека, который, как мне всегда казалось, все сложное, муторное, связанное с ведением своих дел, оставляет на завтра...

И я увидела цифру, от значения которой мне стало плохо: из комбинации шести четко прорисованных цифр вырисовывалось аж две квартиры!

– Ты, Глаша, транжира, – подытожила Лиза и, вернувшись на диван, снова закинула ноги на столик. – Вот и весь расклад. Я бы на твоём месте попросила верного человека, меня, к примеру, откладывать часть твоих денег, то есть попросту прятать их от тебя, не давать тратить. И к концу года мы бы собрали для тебя нужную сумму. А тебе какую квартиру надо: трехкомнатную или, как у меня, – пятикомнатную?

– Можно и двух, – нервно сглотнула я.

– По рукам. Значит, начиная с сегодняшнего дня, я выплачиваю тебе лишь часть причитающегося тебе вознаграждения, идет? А остальное кладу на твой счет с условием, что ты не будешь оттуда ничего снимать.

Она повернула голову в мою сторону, потом сказала обреченно:

– Все равно снимешь. Поэтому я просто не дам тебе твои деньги, а спрячу в свой сейф. Ну как? Ты еще хочешь свою квартиру?

Мысль о том, что мои денежки будут томиться в ее сейфе, вызвала головную боль.

Клавишные прыжки нарастающего звучания регтайма вывели меня из задумчивости – так проявлял себя телефон Лизы. Ее рука машинально схватила трубку – жест привычный, хорошо отлаженный, как механизм. Кажется, Лиза родилась с этим порывистым, точным движением – она находила трубку молниеносно и безошибочно, где бы та ни лежала.

Пока Лиза слушала трубку, я наблюдала за выражением ее лица. Вообще-то особо эмоциональным человеком ее назвать было трудно. Эта ее черта проявлялась исключительно в делах сердечных. Зачастую работа адвоката связана с трагедиями – убийствами, смертями и тому подобными тяжелыми для человеческого восприятия вещами, я не раз видела выражение лица Лизы в момент, когда клиент рассказывал ей о своем горе, но ни разу на ее лице не было ужаса, кошмара. Сейчас же она так широко распахнула глаза, словно перед ее внутренним взором возникло ночное кладбище с покачивающимися крестами и выбирающимися из могил стонущими и матерящимися мертвецами.

– Хорошо, Вадим, я приеду. Завтра утром. Непременно. Прими мои искренние соболезнования. Да-да, адрес я помню...

– Кто-то умер? – спросила я осторожно.

– Боже, какая ужасная смерть! – прошептала, глядя на меня немигающими глазами, Лиза. – Вот ужас-то!!! Бедная Маша!

Потом, тряхнув головой, она пришла в себя и уже более спокойно объяснила мне, любопытной:

– У меня есть одноклассник. Его зовут Вадим, фамилия Орешин. Он живет в Иловатске, знаешь, город-спутник в пятидесяти километрах от нас... Представляешь, вчера ночью его жену, Машу, загрызли насмерть бродячие собаки...

– Прямо в городе? – зачем-то спросила я, как будто это что-то меняло в данной ситуации. Машу-то все равно не вернуть. Но смерть действительно ужасная.

– Я не совсем поняла. Завтра поедем с тобой туда. Одна я не могу – боюсь.

Я ей старалась никогда не возражать – себе дороже. Тем более что она на самом деле выглядела потрясенной.

– Знаешь, что еще он сказал? Одну странную фразу: не пойму, говорит, как она оказалась в Чернозубовке... Он произнес эту фразу, как мне показалось, неосознанно, как скороговорку... Я даже не уверена, что он понял, что разговаривал именно со мной. Скорее всего, перед ним просто лежала записная книжка, и он, водя пальцем по строчкам, обзванивал всех подряд... Бедный Вадим, как же мне его жалко... Они были такой замечательной парой. Глаша, так мы едем завтра? Ты же не бросишь меня?

Я кивнула, хотя вряд ли Лиза увидела это мое кивание – она находилась в это время где-то далеко, вероятно, в Иловатске или в какой-то Чернозубовке.

Что ж, подумала я тогда, план на завтра обрисовался – поедем на похороны. Я присела рядом с Лизой в ожидании ее дальнейших указаний.

– Глаша? – Она медленно погружалась в дрему. – Ты иди. Отдыхай. Передавай привет Адаму.

– Когда поедем?

– Разбуди меня в семь. Мне надо будет поработать над документами, себя привести в порядок, сделать несколько важных звонков и дожидаться одного клиента, который должен привезти деньги.

– Деньги – это хорошо, – вздохнула я.

– Так мы договорились, что я буду копить для тебя твои же деньги? – вдруг довольно бодрым голосом произнесла Лиза.

– Да... – Я снова вздохнула.

– Не вздыхай, все будет хорошо, и мы поженимся. – Это была ее любимая поговорка, которая меня почему-то раздражала.

– До завтра.

Я поднялась и решительно направилась к выходу. Мне не терпелось увидеть Адама.

Глава 2

2007 г., ноябрь

Она не знала, как назвать то свое состояние, в котором находилась последнее время, быть может, это и было счастье? Ей было хорошо, тепло, сытно, удобно, комфортно, радостно, хотя немного тревожно и даже страшновато. Но все негативные эмоции она связывала с новизной ощущений и того образа жизни, на который она сама добровольно согласилась.

Мало кто знал, где она жила и с кем, да она и не особенно-то хотела это афишировать. Словно заранее знала, что ей могут сказать друзья или родственники, к мнению которых она все равно бы, конечно, не прислушалась, но выслушать которых ей пришлось бы. Они все в один голос сказали бы: Дина, ты такая молодая баба, красивая, зачем ты заперла себя в этой дыре, на этой ферме, с этим странным, нелюдимым мужиком, которого толком и не знаешь? И тогда она ответила бы: а где же были вы, такие умные чистоплюи, когда я осталась с Олей на улице, когда мою квартиру пропил сожителю, сумевший убедить меня в том, что деньги пойдут на бизнес? Когда мы с Олей в буквальном смысле оказались зимой на вокзале, промерзшие, голодные, без денег?

И это просто чудо какое-то, что их приютила совершенно незнакомая женщина, которая привела к себе домой, накормила, дала денег, которых хватило на то, чтобы снять квартиру в Иловатске и продержаться целый месяц, пока Дина искала работу. Женщина была богата, но одинока и страшно несчастна – недавно потеряла мужа, – и потому, быть может, принимала чужое горе и боль близко к сердцу. К тому же, как показалось Дине, те деньги, которые женщина дала ей, и не были для нее деньгами, так, мелочь... Четырнадцатилетняя Оля, дочка Дины, осматривая комнату, в которой их накормили вкусным ужином, просто онемела от красоты. Девочка никогда не видела ничего подобного и не ела таких вкусных котлет, сырников и пирожков. Дина же, насытившись и согревшись, решила, что хозяйка просто замаливает свои грехи, а потому не чувствовала себя особенно-то ей обязанной.

– Ма, а мы когда-нибудь будем так жить? – спросила Оля уже ночью, когда они вдвоем лежали на широкой постели, в кружевах, в теплых пижамах. – Ну, хоть когда-нибудь?

Дина обняла дочку, прижала к себе и зашептала на ухо:

– Конечно, будем. Каждому человеку отпущена порция счастья, и нам с тобой тоже. И разве не счастье то, что мы оказались с тобой здесь, в этом раю, и такая вот волшебница приютила нас? И не побоялась впустить в дом. Поняла, видать, что мы не жулики-мошенники какие-то, что у нас на самом деле большая проблема...

Про волшебницу Дина забыла быстро, стоило им с Олей начать новую жизнь в съемной квартире с удобными диванами, креслами и даже стиральной машинкой. Надо было искать работу, но не в киоске, как прежде, где она торговала пивом и лимонадом и где к ней клеилась всякая мужская шваль, а в каком-нибудь более чистом и прибыльном месте.

Но и этой мечте не суждено было сбыться. Как-то вечером, возвращаясь домой несолоно хлебавши (получить работу без какого-либо образования, да еще во время мирового экономического кризиса оказалось делом трудным, практически бесперспективным), Дина забрела без особой нужды на рынок – поглазеть, помечтать, поскольку купить что-либо уже не могла – деньги, подаренные волшебницей, почти кончились. И в мясном ряду встретила взглядом с одним человеком. Он говорил с уставшим мясником в замызганном, побуревшем

от крови животных фартуке, а сам разглядывал Дину, жадно смотрящую на разложенные на прилавке крупно порубленные куски свиной мякоти. Потом подошел третий мужчина, с большой сумкой, и мясник принялся укладывать мясо в его сумку. Дина подумала еще тогда, что в конце рабочего дня на прилавках остаются обычно одни обрезки да куски сала, которые продаются намного дешевле утреннего мяса. Видать, это отборное мясо было припасено какой-то важной шишке вроде хозяина рынка.

Дине совершенно нечего было делать на рынке, но она почему-то продолжала стоять возле прилавка и, замороженная, смотрела на мясо. Когда на прилавке не осталось ни кусочка и она ну просто должна была хотя бы отойти в сторону, к ней подошел тот самый мужчина, который разговаривал прежде с мясником, и сказал, обращаясь к ней:

– Мясо любишь?

Она, опустив глаза, кивнула. Да, мясо она любила. Очень. Но кто этот человек, чтобы задавать ей такие вопросы?

– У меня знаешь сколько свиней? Ты бы могла поработать у меня в Чернозубовке, это в семи километрах от Иловатска.

Дина потом не раз вспоминала эту встречу и этот странный разговор. Неужели у нее на лбу было написано, что она нуждается, что ищет работу? Или, быть может, она просто приглянулась Ефиму и он не знал, что сказать, чтобы заполучить ее себе и в то же самое время не обидеть. Разве можно обидеть предложением работы?

– Только сразу предупреждаю, – вдруг услышала она, – если замужем и дети – то ты мне не подходишь.

Сказал прямо в лоб. Вероятно, он всегда и все говорил в лоб. Хочет, чтобы его сразу поняли и чтобы не было потом никаких лишних вопросов.

Муж... Дети... Конечно, кому нужны чужие дети?

– Если же одна – милости просим, – он даже голову склонил набок, словно приглашая ее на танец, разве что руку не предложил. Ей показалось или у него действительно глаза заблестели? – Прямо сейчас и поедem.

Дина представила себе, как она возвращается к Оле пустая, без работы и денег, как ужинает вместе с ней макаронами с сыром (если, конечно, дочка не съела последний кусок сыра, когда пришла из школы), как устраивается перед телевизором и до глубокой ночи наблюдает красивую экранную жизнь... А завтра – снова поиски работы, унижительные разговоры с потенциальными работодателями: какое у вас, милочка, образование? А где вы учились? Есть ли у вас профессия? Ну, нет у нее ни образования, ни профессии... Так уж жизнь сложилась. Думала, что будет жить за мужем, как за каменной стеной, а он возьми да и уйди к другой... Потом какие-то сожители-уроды, которые прибивались к ней из-за квартиры, и, наконец, последний идиот, который заставил ее продать единственное, чем она владела, – квартиру, обманул, предал...

А тут – свиньи. Значит, ферма. Значит, достаток. Да и мужик, судя по всему, холостой, раз пристаёт вот так, прямо на базаре... Если бы был женат, вряд ли посмел привезти из города в свою Чернозубовку молодую женщину – пришлось бы объясняться с женой. К тому же жить-то она где будет, когда они приедут на ферму? Явно у него, у этого мужика. Значит, точно жены нет.

– А вы что, каждый день вот так на работу забираете женщин из города? И что думает по этому поводу ваша жена? – Она подняла глаза и посмотрела на него в упор. Тоже решила разговаривать прямо, узнать о нем как можно больше. Отметила, что одет чисто, что некрасив, но во взгляде чувствуется характер. Словом, сильный человек. Такой, какой ей и нужен. И не пьяница.

– У меня нет жены. – Он и здесь оказался прямым, не стал юлить. Дина поверила ему сразу.

Ей бы сказать прямо здесь, на базаре, что есть дочка, но она хорошая, послушная, спокойная, что будет помощницей, что никому-то она там, на его ферме, не помешает. Но он же ясно сказал, что с детьми ему женщина не нужна. Тогда зачем же рисковать?

Дина уже представила себе, как она приезжает к дочке в Иловатск с тяжелыми сумками, полными домашней колбасы и ветчины, как раскладывает все это вкусное и питательное по полочкам в холодильнике, как обнимает и целует свою девочку, которую не видела целую неделю, как сует ей в горячую ладошку смятые, украденные у фермера-скупердя денежки, как плачет, прося у дочери прощения за то, что она ее бросила. Но даже эта картина показалась ей куда лучше, чем картинка голодной и холодной жизни без денег, без работы... Еще немного, и их выселят из квартиры. И что тогда будет? Скоро зима. Они погибнут. Не сдавать же Олю в детский дом? Или... сдать? Пока она будет жить с фермером, Оля – в тепле и сытости в детском доме. А потом, когда она влюбит в себя фермера, расскажет о существовании Олечки и он примет ее, полюбит, как свою дочку...

Нет, только не в детский дом, не в интернат. Оля ей этого никогда не простит.

– Хорошо, я поеду с вами. Я ищу работу. Но мне надо заехать домой, поговорить с квартирной хозяйкой, объяснить ей ситуацию. Я не могу вот так, прямо с рынка, рвануть в вашу Чернозубовку. А может, вы убийца какой?

Она тоже сказала, что думала. Пусть не думает, что она законченная дура, которая на ночь глядя сядет в машину к незнакомому мужчине и отправится неизвестно куда и зачем.

– Я ваш номер машины запишу, передам записку хозяйке, соберу кое-какие вещи, и тогда поедем.

Она подумала, что, если этот фермер не согласится, значит, ни на какую не на ферму он ее хочет повезти.

И тут же услышала:

– Умно. Дело говоришь. Конечно, пойдем, я тебя подвезу...

Все случилось быстро. Он привез ее, она поднялась к Оле, в двух словах все объяснила, спросила ее, взрослую, четырнадцатилетнюю, сможет ли девочка одна немного пожить, пока она, мать ее, не устроится. Не боится ли она ночевать одна? Оля обняла мать и сказала, что ничего не боится. Призналась, что съела последний кусочек сыра. Дина открыла кошелек, отдала Оле последние пятьсот рублей.

– Вот, купишь себе завтра молока, хлеба, колбасы, сахару.

Она так нервничала, что у нее зубы стучали. Она физически чувствовала, что отрывается от дочери, что делает что-то опасное, непоправимое, но и остановиться уже не могла – внизу ее ждал человек, который мог помочь ей решить важные жизненные проблемы. К тому же этот фермер поджидал ее не в замызанной «Ладе», а в теплом новеньком джипе, пахнущем кожей и каким-то приятным ароматом (должно быть, деньгами). У него водились денежки, и немало, и ее задача обрисовалась быстро и просто, как детский рисунок, – она должна стать его женой. Непременно. И она сделает все, чтобы этого добиться. Ведь она понравилась ему. Иначе он не стал бы так пристально ее разглядывать. Да, это так. Он клюнул на нее, оценил ее привлекательность, как оценивали прежде и другие мужчины. Она будет ласковой, покорной, работающей, она все сделает, чтобы стать ему необходимой, чтобы жизнь без нее представлялась ему невозможной.

– Поезжай, ма, – Оля поцеловала ее и легонько подтолкнула в спину. – Я справлюсь сама. Наверное, он сказал, что возьмет тебя, если у тебя нет детей... Это было условие?

– Да, – призналась она. – Но сейчас еще не поздно отказаться...

– Нет-нет, вдруг у вас все получится? Ты же не забудешь меня? Будешь ко мне приезжать? Звонить?

– Понимаешь... Звонить... А если этот Ефим окажется ревнивым и станет проверять мои звонки? Уж если затеваться с этим враньем, то надо идти до конца, соблюдая все пра-

вила. Мне придется стереть твой номер из своего телефона. Как и остальные... А потом, когда у меня появятся деньги, я куплю еще один телефон и буду звонить тебе каждый день, по нескольку раз в день...

– Но ты же можешь сказать, что я твоя подруга...

– И то правда... Господи, что я такое говорю? Совсем разум потеряла. Это от волнения.

Мне что-то так страшно, Оля...

– Тогда оставайся дома.

– Вот, – Дина протянула дочери листок с записанным на нем номером машины Ефима. – Если я исчезну – будешь искать меня с помощью этого номера.

– Но ты когда приедешь в эту Чернозубовку, ты же позвонишь мне? Расскажешь, что и как?

– Да, обязательно.

Она еще раз обняла Олю, собрала кое-какие вещи в большую сумку и с тяжелым сердцем вышла из дома.

Глава 3

2008 г., ноябрь

Адам – это мой приятель, бармен. Только Лиза знает, что я влюблена в него, и уже давно, и что каждый свободный вечер меня можно найти в ресторане «Ностальжи». Это небольшой, но дорогой ресторан, где собирается обычно одна и та же публика, где можно не только провести время, но и хорошо поесть. Адам всегда, когда видит меня, расплывается в улыбке, и я так до сих пор и не поняла, действительно ли он так рад меня видеть или же улыбка у него дежурная, относящаяся ко всем посетителям ресторана. Конечно, мне кажется, что он улыбается только мне и охотно болтает о том о сем лишь со мной. Он красив, строен, ловок, проворен, умен, талантлив... Если сложить восемь Адамов, то получится одна Глафира Кифер.

Конечно, мой интерес к Адаму не случаен. И он сам дал мне повод надеяться на ответные чувства. Это случилось однажды в дождливый вечер, когда Адам сменился, его место за барной стойкой занял желтоглазый флегматик Данила. Адам подсел ко мне, угостил коньяком, а потом напросился ко мне на ужин. Сказал, что ему до жути надоела ресторанная еда и что он от Лизы знает о моих кулинарных способностях. Пришлось его огорчить, сказав, что в холодильнике у меня шаром покати, что я вот уже несколько дней работаю как лошадь и почти не бываю дома. И тогда Адам признался мне, что дело вовсе и не в еде, что я ему давно нравлюсь и что он хотел бы пообщаться со мной в спокойной домашней обстановке. Словом, напросился на чай, а заодно на кофе, компот, варенье, печенье... Я накормила его всем тем, что у меня было...

...Очнулась я на кровати и была страшно удивлена, обнаружив, что то, о чем я даже не могла мечтать, свершилось по желанию... Адама! За окном продолжал идти дождь, на столике горела лампа, и нам с Адамом было так хорошо вдвоем, что мы весь оставшийся вечер провели за разговорами, лежали обнявшись... Он был необычайно нежен со мной, говорил о том, что я ему всегда нравилась и он ужасно рад, что решился напроситься ко мне на чай.

Он ушел под утро, и я даже боялась спросить себя, можно ли мне в подобной ситуации рассчитывать на продолжение отношений. Слишком уж неожиданно все случилось, слишком волшебным и нереально я восприняла наше первое настоящее свидание.

После обеда Адам позвонил мне, сказал, что благодарен за вкусный чай и что первый раз в жизни он пробовал ежевичное варенье. Мне хотелось плакать от счастья... А вечером я снова пришла в «Ностальжи», вот только Адама там не было – мне сказали, что он позвонил и сказал, что ему нужно срочно куда-то уехать. Я подумала тогда, что он сбежал от меня. А может, и от себя самого...

Адам – невысокий, среднего телосложения, с густыми волнистыми волосами и крупным носом, нежными губами и чудесной улыбкой. Его карие глаза светятся умом. Он носит темные брюки, белоснежную рубашку и малиновый жилет в темно-синюю крапинку. Лиза говорит, что роман с барменом – это пошло. Но я знаю, что она говорит это нарочно, на самом деле она переживает за меня, понимает, что мой роман с Адамом – безумие и что любое проявление равнодушия с его стороны убьет меня. Может, и убьет, но пока что мне нужен только Адам – ведь это он помог мне избавиться от многих моих комплексов, связанных с полнотой.

...На этот раз Адам был за стойкой, он с задумчивым видом протирает тонкие прозрачные фужеры. Я подумала тогда, что он мечтает обо мне. И на самом деле, увидев меня, он улыбнулся, и я не нашла ничего лучшего, чем подойти к нему. Как я взгромождаюсь на барный стул – зрелище не для слаонервных. Поэтому я просто стояла у стойки напротив Адама и смотрела ему в глаза. С тех пор, как мы вместе пили чай с ежевичным вареньем, прошел целый месяц. Адам больше не напрашивался ко мне домой, хотя и продолжал вести себя так, как если бы между нами действительно был роман: он был подчеркнуто вежлив, использовал каждую свободную минуту для разговора со мной и, как мне казалось, любовался мной.

– Привет, Адам. Как дела?

– Нормально. А у тебя?

Я не стала рассказывать ему о том, что завтра утром мы собираемся с Лизой на похороны жены ее одноклассника. Мне показалось, что не стоит портить вечер такими жуткими подробностями из чужой жизни.

– У меня тоже все нормально.

– Я скучал по тебе, Глафира, – вдруг услышала я. – И еще... Пока мы с тобой здесь вдвоем и нас никто не слышит... Знаешь, я часто вспоминаю тот вечер... Не знаю, что на меня нашло... Скажи, я не обидел тебя? Не причинил тебе боль?

Я хотела ответить ему, что он причиняет мне боль сейчас, когда задает такие вопросы, но промолчала, конечно. Получалось, что он сожалеет о том вечере?

– Ты только не подумай, пожалуйста, что я сожалею о чем-то, совсем наоборот! Просто мне кажется, что я слишком поторопился, что даже не успел толком поухаживать... Но я это исправлю, если..

– Если?... – Я напряглась. Мне показалось, что мой норвежский свитер сделался слишком тесным. Я задыхалась.

– Я бы хотел знать наверняка... Глаша, я тебе хотя бы нравлюсь?

И ведь он не шутил! Во всяком случае, мне показалось, что он был искренен.

– Адам... – Я собралась уже было признаться ему в любви, но что-то меня остановило. Вероятно, мне просто было трудно поверить в то, что кто-то на этом свете может полюбить меня, такую толстую. Поэтому я решила ответить как можно нейтральнее: – Адам, ты не можешь не нравиться...

– Глаша, я не об этом... Ты же все отлично понимаешь... – Я видела, как на его бледном лице выступили красные пятна. Мне захотелось зажмуриться, и чтобы, когда я открыла глаза, мы с Адамом оказались у меня в спальне и он, перебирая мои длинные волосы и целуя меня, говорил бы мне разные нежности... А может, мне все это приснилось? Может, я просто в тот вечер перебрала коньяку и выдала желаемое за действительное? – Глаша. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду... Мы же были с тобой, у тебя... Я, можно сказать, набросился на тебя как сумасшедший...

Тут уже я почувствовала, что краснею.

– Адам, – все же решилась я. – Это был самый прекрасный вечер в моей жизни.

Сказала и закрыла глаза. Мне стало страшно. Словно я только что разделась перед всеми, находящимися в этом ресторане. Обнажила свои чувства.

И тут я почувствовала, как Адам схватил меня за руку и крепко сжал ее.

– И для меня тоже... Слышишь? Я бы хотел теперь пригласить тебя... В десять придет Данила, и мы могли бы поехать ко мне. У меня тоже есть чай... зеленый. Правда, такого варенья, как у тебя, нет.

Мне бы согласиться, завизжать от радости, но утром-то я должна быть у Лизы.

– Адам, завтра утром мы отправляемся в один маленький провинциальный городок... У Лизы одна знакомая погибла... Похороны. Мне совсем не хочется смешивать наше свидание с утренними сборами... Она же может позвонить мне в шесть утра и потребовать, чтобы я была готова уже в семь.

– Тогда завтра, идет?

– Думаю, что двух похорон подряд просто не может быть. По теории вероятностей. Думаю, что да, завтра смогу. Адам, я так рада... Решила, что ты жалеешь...

Я знала, что женщина не должна так говорить, но все равно сказала. Подумала, что должна же я с человеком, которого люблю, быть искренней? Иначе зачем все это?

– А я думал, что это ты пожалела... Мне показалось даже, что ты изменилась ко мне, что смотришь не так, как прежде... Глаша! – Он снова сжал мою руку. – Значит, договорились.

– Договорились. Адам, я, пожалуй, пойду. Надо хорошенько выспаться.

– Хорошо. Жаль, что я не могу тебя поцеловать... Хотя... Я провожу тебя до выхода.

Возле гардероба он меня все же поцеловал. На глазах у гардеробщика.

– Я позвоню тебе сегодня, чтобы сказать спокойной ночи, – пообещал он мне, и я, счастливая, выпорхнула (да, это удивительно для девушки с моим весом) из ресторана.

Глава 4

2007 г., ноябрь

Ей было приятно находиться в этой машине, ощущать это дорогое тепло и дорогой запах автомобиля. О мужчине, который увозил ее неизвестно куда, она старалась не думать. Иногда поворачивала голову, чтобы взглянуть на его профиль и попытаться понять, что же это за человек, чего от него ждать.

В ноябре темнеет рано. Дина смотрела на темную, освещенную лишь светом фар, дорогу и думала о том, что и ее жизнь вот такая же темная, непонятная, освещенная лишь ее мечтами и желаниями. Что она видела в своей жизни хорошего? Да ничего, не считая рождения Оли. Но и дочка принесла с собой одни хлопоты, болезни, траты. Только в роддоме Дина чувствовала себя приятно удивленной тем, что смогла родить здоровую девочку, ее собственную дочку. Потом же, когда она покинула стены роддома, все изменилось. Муж стал погуливать, денег постоянно не хватало...

Как черно-белый фильм-хроника, промелькнула перед ней ее прошлая жизнь. Подумалось на какое-то мгновение, что даже если ее сейчас и убьют, то никто особенно-то и не пожалеет. Разве что Оля. Но и она в последнее время стала какой-то странной, замкнулась в себе и переживает трудное время как-то по-своему, тихо, и выглядит пришибленной, сломленной. Скорее всего, когда ее не станет, размышляла Дина с грустью, Оля все же окажется в интернате, где окончит школу, потом устроится куда-нибудь на работу, а может, если появится возможность, пойдет учиться в какое-нибудь училище или техникум. Что ей проку от такой беспутной матери, как она?

Дине показалось, что они едут уже несколько часов. Или же время остановилось, чтобы она смогла хорошенько прочувствовать последние мгновения перед смертью... Откуда взялись эти мысли? С одной стороны, она испытывала страх, а с другой – какую-то смутную надежду на что-то хорошее.

– Скажите, чем я буду заниматься? У вас что, ферма?

– Ну, наконец-то заговорила, – покачал головой «фермер». – А то я уж начал беспокоиться, не напугал ли тебя...

– Напугал, конечно... Может, это еще потому, что на улице темно и как-то мрачно...

– Да ты не переживай. Я мужик спокойный, приставать не стану, если сама не захочешь... Живу я один, у меня большой дом. Работы много, но будешь работать столько, сколько сможешь, не до упаду. Ты сама потом, когда втянешься, захочешь мне помогать. Вообще-то я пригласил тебя не столько как работницу по свиному делу, сколько как женщину, которая будет мне вроде жены... Конечно, поначалу тебе будет казаться, что ты вроде домработницы, но и это не должно тебя унижать – я буду давать тебе денег, ты сможешь время от времени ездить в город, покупать себе что-то. Только, прошу, никому особо не распространяйся о своей жизни. Не люблю болтливых.

– Послушайте, но вы же меня совершенно не знаете! А говорите, что везете чуть ли не жену.

– Вот там, на месте, и узнаю.

– А вы уже привозили туда женщин для проверки – подойдет или нет?

– Привозил. Одну. Но она сбежала от меня. Это честно. Да тебе и соседи скажут. Я хоть и на отшибе живу, но с людьми все равно общаюсь... Она сбежала к бывшему мужу. Хотя жилось ей у меня, как мне кажется, хорошо. Она ни в чем себе не отказывала.

– Вы любили ее?

– Не знаю... Думал, что люблю. А когда сбежала, решил, что и не любил. Так проще жить, не оглядываясь.

– Почему выбрали меня?

– Ты красивая. Я посмотрел на тебя и представил, как ты сидишь в комнате, что-то вяжешь или на кухне варишь суп... И мне понравилась эта картинка.

– Какие же вы, мужчины, странные.

– Скажи – простые. Вот я – простой работяга. Я всю свою жизнь строю вот этими руками... – Он хлопнул крупными крепкими ладонями по рулю, обтянутому кожей. – Весь достаток у меня держится на свиньях. И формула достатка простая – все любят мясо. Другое дело, что многие просто не хотят этим заниматься. Но в перспективе у меня – гусиная ферма или страусиная... Но с хрюшками как-то проще. Я все знаю. Привык уже. К тому же у меня почти вся работа автоматизирована.

– У вас еще кто-то работает? Помогает вам?

– Мишка. Он все чистит, убирает, моет. Остальное все делаю я. Не хочу, чтобы много людей у меня работало. Им платить надо, за них отвечать... А так – Мишка один, без трудовой, так, по договоренности... Он рано на пенсию ушел, ему соцпакет ни к чему... К тому же он малость того...

– А вы экономный?

– Да. Сэкономил вот и купил машину. Эта уже третья. Будешь моей женой – и тебе тоже куплю. Я для своей жены ничего не пожалею.

– А если бы у меня были дети? – спросила она, отвернувшись.

– Нет, я же сказал – только без детей... Мне нужны собственные наследники. Это принципиально. Вообще-то, я люблю детей, думаю, что, если бы у тебя были дети, я бы привязался к ним, но как подумаю, что кормлю чужих детей, которые после моей смерти будут жить в моем доме... Словом, тебе повезло, что у тебя пока нет детей.

Дина покраснела. То, что он произнес вслух, умные и добрые люди не говорят, даже если так и думают.

Но разговор о достатке и о том, что он не будет к ней приставать, немного успокоил ее. Если он окажется добрым, щедрым, то ей удастся откладывать понемногу денег для Оли и отвозить в город. В сущности, она бы могла потом выдать ее за свою сестру. Но он же все равно может когда-нибудь узнать о том, что Оля ее дочь, и тогда получится, что Дина солгала ему... Нет, лучше не рисковать и как можно дольше потянуть время, чтобы он не знал об Олином существовании. А потом может так случиться, что у них появятся свои дети, и вот тогда, когда он успокоится относительно наследников, она и расскажет ему об Оле.

Господи! Она схватилась за голову. И куда она едет? Зачем? Она же совершенно ничего не знает об этом человеке! И тут же успокоила себя: едет работать, зарабатывать деньги для Оли.

– Все. Приехали.

Она даже не поняла, где они оказались. Ничего похожего на деревню. Кругом темнота, если не считать единственного фонаря, освещающего массивные металлические ворота.

Она вышла из машины, осмотрелась. Тихое, пустынное место. Высокий каменный забор, за которым тоже темнота.

Он открыл ворота, проехал в глубь большого двора, заехал под навес. Заглушил мотор.

– Не бойся, проходи. Сейчас ужинать будем.

Она послушно вышла из машины. Холодно, жутковато. И тотчас все вокруг словно вспыхнуло, загорелось уютным оранжевым светом – Ефим, довольный, стоял напротив нее и улыбался. Высокий, крепкий, немного сутулый, коротко стриженные черные волосы, круглое полное лицо, крупный нос, маленькие хитрые глазки.

– Вот! Везде включил свет, чтобы ты не боялась. Видишь, какое у меня подворье? Завтра покажу своих свиней, все хозяйство... От тебя зависит, останешься ты здесь или нет. Ты не смотри, что это деревня, дыра... Когда нужно, будем выезжать в город, ходить в театры, цирк... Правда, в театре я сплю, предупреждаю сразу. И меня, главное, вовремя одернуть, если я начну храпеть. Но мне нравится там бывать. Я не театрал, это понятно, но вот в цирке чувствую себя ребенком... мне все там понятно, я хохочу как сумасшедший... Слушай, я забыл, как тебя зовут.

– Дина.

– А меня Ефим... Кажется, я говорил... Ну вот, Дина, пойдем в дом.

Дом был огромный, трехэтажный. Внутри как-то пустынно и голо, несмотря на то, что повсюду, даже на лестницах, лежали ковры. Было такое ощущение, словно хозяин еще не успел обзавестись мебелью.

– Сейчас включу отопление. – Ефим вошел в небольшую комнатку за кухней. – У меня здесь котел... И будет у нас тепло... Я отапливаю только два этажа, там, где обитаю. Третий, для гостей, холодный всю зиму – а чего зря газ жечь? Да и гостей у меня никаких нет... Пока... Ну же, Дина, смелей! Открывай холодильник, ставь все на стол.

На кухне новая мебель, большой стол, покрытый клетчатой сине-белой клеенкой.

– Ефим, я не могу... лезть в холодильник... Мне неудобно.

– Это хорошо, что неудобно, но надо привыкать. Вот, смотри, как я открываю холодильник. Р-раз – и готово!

Огромный холодильник, почти до потолка. Внутри – пусто, если не считать белых эмалированных емкостей, заполненных холодцом (так резко запахло чесноком, что Дина чихнула), нескольких свертков из фольги да желтой кастрюли с торчащим из нее половником.

– Доставай холодец, буженинку... Это все я сам готовил. И суп ставь на плиту разогревать. Рассольник. Ты любишь рассольник? А вон там, в баночке, – хрен, я сам натирал... Холодец с хреном – это классика. Вот черт, в машине хлеб оставил!.. Сейчас приду, а ты накрывай, накрывай на стол, не стесняйся.

Ефим вышел, Дина открыла буфет, достала четыре тарелки – две глубокие для рассольника и две мелкие для холодца. Вилки, ложки, нож. В свертках оказалась аппетитная на вид буженина. Дина нашла деревянную доску и принялась нарезать буженину тонкими розовыми ломтями, затем разложила все это на красивой тарелке. Трудно было себе представить, что она будет здесь жить и так сытно питаться. Вспомнилась Оля. Что она сегодня ела на ужин? Может, догадалась отварить макароны? Или пошла в магазин, купила себе что-нибудь? Хотя я же ей сама сказала, чтобы она сделала покупки только завтра. Господи, бедная девочка! Но ничего, с голоду не умрет, заварит чаю, поджарит хлеб...

– Водочки? – Ефим вернулся с сумкой, из которой начал доставать хлеб, две бутылки дорогой водки, продукты.

– Нет, я не пью.

– Что, совсем? Может, ты больная?

– Нет... Я здоровая... – поспешила заверить она его. – Можно выпить... полрюмки. У меня после водки голова болит, да и вообще я ее не понимаю...

Она чуть не проговорила про виски. Вот виски ей нравится. Как выпьет, так хочется танцевать, смеяться, и все вокруг кажутся такими хорошими, доброжелательными, своими.

– Хорошо. У меня есть вино. Хорошее. Будешь?

– Только капельку.

Она хотела ему понравиться, поэтому согласилась выпить вина – понимала, что он ждет, когда она расслабится, перестанет его бояться. А может, и чего другого ждет. Но она должна понять, как себя с ним вести – и не отталкивать резко, но и не бросаться ему на шею за кусок холодца...

А холодец, между тем, был отменный. Пласт толстый, до самых бортиков формы, мясной, густой, наивкуснейший. Намазав его крепко пахнущим хреном, Дина с аппетитом съела большой кусок, закусывая черным хлебом.

– Ну, как?

– Очень вкусно.

– Я научу тебя готовить... Главное – закладывать побольше мяса, не скупиться. Так ты расскажи немного о себе, Дина. Чем занимаешься? Что с личной жизнью? Неужели такая красивая девушка – одна? Что-то не верится.

– У меня был сожитель, он обманул меня – заставил продать свою квартиру, хотел вроде бизнес организовать, а сам все по ветру пустил... Кинул меня, понимаете?

– Давай на «ты», – Ефим достал носовой платок и промокнул вспотевший лоб. – На тебе еще буженинки, ты ешь, не стесняйся. Значит, я правильно понял тебя, когда увидел... Ты мяса захотела, а у тебя денег нет... Что ж, разные жизненные обстоятельства бывают. А ты мне можешь показать этого парня, который тебя так развел на деньги? Я могу с ним поговорить.

Дина подумала, что встреча Ефима с ее сожителем может плохо кончиться – Ефиму станет известно об Ольге. Мало ли, как пойдет у них разговор... Нет, этого нельзя было допустить.

– Нет, не надо...

– Ты его боишься?

– Просто сейчас, думаю, об этом говорить преждевременно. У меня и так голова кружится от всего... Так неожиданно я здесь оказалась... – Она уходила от больной темы.

– Хорошо, как скажешь. А ты чаю заваришь?

– Да, конечно... Только покажите, где чай.

– Покажи. Мы же договорились на «ты».

– Покажи, где у тебя чай...

Он показал. Дина поставила чайник с кипятком, сполоснула заварочный чайник, насыпала туда чаю. Поймала себя на том, что больше всего ей сейчас хочется спать. То ли от вина ее разморило, то ли от сытости. А может, и от тепла.

– Варенье любишь?

Она пожала плечами. Кто же не любит варенье?

Ефим принес откуда-то банку вишневого варенья.

– Вот. Если хочешь масла – возьми сама в холодильнике... Привыкай. Тортов у меня не водится, а магазинные не покупаю. Захочешь – сама будешь печь... Да ты, я вижу, засыпаешь... Устала? Чем занималась целый день?

Она вдруг подумала, что слишком уж сильно ей хочется спать. А что, если этот фермер подсыпал ей в вино снотворного? Она уснет, а он ее изнасилует... А потом разрежет на куски. Как свинину.

От этих мыслей ей стало не по себе, даже сон отступил.

– Послушай... Ты мне в вино, случайно, ничего не подсыпал?

– Нет, успокойся. Пойдем, я покажу тебе, где будешь спать. Господи, за кого же ты меня принимаешь?!

Он сказал это таким тоном, что Дина немного успокоилась. Нет, не похож был этот человек на насильника или убийцу. К тому же он отлично знает, что номер его машины она

сообщила якобы хозяйке квартиры. Она встала и, пошатываясь, пошла за Ефимом, про себя называя его Свинопасом.

Он привел ее в небольшую комнату, обстановку которой составляла лишь кровать да маленький шкаф. Ефим достал из шкафа белье, одеяло и положил на кровать.

– Я вижу, что ты едва стоишь на ногах... Думаю, это нервы. Ну, ничего, вот выспишься, придешь в себя...

Так, приговаривая, он постелил ей постель, после чего подошел к ней, взял за плечи и посмотрел в глаза.

– Ты очень красивая, Дина. Спокойной ночи...

Он поцеловал ее в щеку, даже не поцеловал, а так, мазнул губами и отпустил ее. Он вышел, Дина быстро разделась, выключила свет и юркнула под одеяло. Последнее, что она запомнила, это запах нового белья и шерсти одеяла...

Глава 5

2008 г., ноябрь

Раннее утро в ноябре, да еще пасмурное, темное, промозглое, не предвещало ничего хорошего, тем более что мы с Лизой отправлялись в деревню под названием Чернозубовка, да еще к тому же на похороны молодой женщины, которую загрызли собаки. Да от одного этого словосочетания сводило зубы. Одно утешало – что я не была лично знакома с покойной. Но было в то утро все же и одно приятное, чисто физическое ощущение – тепло и комфорт автомобильного салона. Лиза разбирается в машинах и всегда покупает комфортные, большие, дорогие. Во всяком случае, в этом новеньком «Крайслере» чувствуешь себя поистине защищенной, словно в маленькой крепости. Выбирая машину, Лиза откровенно призналась мне, что «Крайслер» – это ее давняя мечта. «Понимаешь, Глаша, этот автомобиль – личность, джентльмен, он красив, интеллигентен, престижен, вместителен, наконец, романтичен и экономичен одновременно. Я назову его сэр Хидклиф». Чтобы не тратить слов напрасну, она завалила меня рекламными проспектами «Крайслера», словно оправдываясь передо мной за свою дорогую покупку. «К тому же, – бросила она мне напоследок из окна своего нового авто, кружась на площадке перед офисом нашей конторы, – мне всегда хотелось иметь такую машину, чтобы люди, почесывая затылок, провожали ее взглядом: боже, что это за машина?!» На что я ответила ей, что, будь у меня такие деньги (целый миллион рублей!), я купила бы точно такую же машину.

Лиза любила свое авто и первое время после покупки почти жила в нем. Но быстро поняла, что машина хороша лишь для нейтральных, не связанных с работой, поездок, поскольку тот стиль Лизиной работы, который отличал ее от остальных адвокатов города, не допускал возможности слежки, скажем, за клиентом в такой навороченной, роскошной и бросающейся в глаза машине. Поэтому в подобные рабочие моменты Лизе пришлось все же пользоваться своим стареньким «Фольксвагеном».

В утро похорон она предпочла «Фольксвагену» роскошный «Хидклиф».

Лиза была в черном брючном костюме, черной бархатной куртке, русые ее волосы были стянуты черной лентой. Выглядела она превосходно. Не то что я – обтянутый черным джемпером бочонок.

– Глафира, ты сегодня потрясающе выглядишь. – Я от удивления открыла рот. – Тебе удивительным образом идет черный цвет. Откуда у тебя этот джемпер?

– Да он у меня уже целую вечность.

– Если он тебе так надоел, можешь отдать его мне, а себе купишь что-нибудь другое... Всегда мечтала вот о таком свободном черном джемпере, в который можно закутаться, как в одеяло.

– Ты серьезно? А я думала, что у тебя в голове предстоящие похороны.

– Не хочу об этом пока думать. Как только представлю, что пришлось испытать Маше, так мороз по коже... Я даже не знаю, как себя вести с Вадимом, какие слова найти, чтобы ему стало немного легче... Думаю, он даже и не заметит моего присутствия. Но и не приехать я тоже не могу.

– А тебе не кажется, что он позвонил тебе не просто так...

– В смысле?

Мы выехали из города и теперь медленно двигались в тумане, освещая светом фар едва различимую дорогу. Настроение ухудшалось с каждым километром. Судя по тому, что

туман все сгущался, неизвестная мне деревня Чернозубовка представлялась и вовсе чем-то невидимым, сюрреалистическим, жутковатым, с черным гробом посередине...

– Ну не случайно же он все время повторял, что не понимает, как его жена оказалась в Чернозубовке.

Я произнесла это и вдруг поняла, что едем-то мы не в Чернозубовку, а в город Иловатск. Но почему же тогда у меня в голове было только это страшное, с черными зубами, название?

– Я тоже об этом думала. Не в таких уж мы были отношениях, чтобы он приглашал меня на похороны жены... Это если честно, – согласилась со мной Лиза. – Думаю, что причина его звонка на девяносто процентов связана с моей профессиональной деятельностью. Может, его жену похитили или заперли где-нибудь с собаками... Мне даже страшно такое говорить... Но Вадим хочет мне что-то рассказать, это определенно...

Городок Иловатск представлял собой разросшееся и расстроившееся большое село, где параллельно улочкам с частными аккуратными домиками тянулись улицы с нелепыми и какими-то голыми, как будто заплесневелыми пятиэтажками. Неинтересный, негармоничный, в черно-серо-белых тонах городок с такими же скучными и куда-то вяло бредущими жителями.

– Виной всему погода, – словно прочла мои мысли Лиза. – Господи, какое же повсюду уныние... Вот не хотела бы я жить в таком городе. Лучше удавиться.

– Лучше удавиться, – подтвердила я.

– Знаешь, Глаша, если судить по адресу, Вадим живет в пятиэтажке, квартира четырнадцать. Значит, в одной из этих мрачных коробок. Как ты думаешь, когда жители этих домов спят, они слышат по ночам, как эти ужасные дома скребут небо?

– Да, думаю, что слышат. И поэтому у них у всех должны скрежетать зубы... И от услышанного во сне скрежета крыши о звездное небо, и от того, что им так фатально не повезло с жильем...

Мы быстро нашли дом, в котором проживал Вадим. Поднялись на пятый этаж, но ожидаемой крышки гроба не увидели. Лиза облегченно перекрестилась.

– Ох, Глаша, не люблю я эти крышки... Кажется, подойди к ним поближе, и они прихлопнут тебя, как моль...

– Дура ты, Лизка.

– А что поделать? Я привыкла быть с тобой честной во всем. Даже в передаче своих ощущений.

Дверь нам открыл сам Вадим. Никаких облаченных в печаль и траур родственников за его спиной мы не заметили. И вообще вокруг было подозрительно тихо для дня похорон. Да и запаха поминальных щей не чувствовалось.

– Здравствуй, Вадим, – осторожно сказала Лиза, недоумевая, как мне показалось. Предполагаю, мы тогда с ней подумали одновременно, что никаких похорон, как и погибшей жены в жизни одноклассника Лизы на тот момент не наблюдалось.

– Лиза! – Вадим, высокий худощавый брюнет в домашних брюках и свитере, слабо улыбнулся нашему появлению. – Рад тебя видеть.

– Вадим, ты звонил мне вчера? – на всякий случай спросила Лиза, боясь выглядеть глупо в глазах одноклассника.

– Да, звонил... Да вы проходите...

– Познакомься, это моя подруга – Глафира, – вежливо представила меня Лиза.

– Очень приятно.

Думаю, у Лизы на языке вертелся вопрос, который она никак не могла озвучить: не померещился ли ей звонок, в котором Вадим сообщал о трагической гибели своей жены.

– Похороны завтра, но я нарочно вызвал тебя сегодня, потому что мне надо с тобой поговорить... Думаю, что присутствовать на похоронах тебе не обязательно, тем более ты почти не знала Машу. Но ты можешь помочь мне понять, что же произошло на самом деле.

Квартира была хорошей, красивой, чистой. Зеркала затянуты черным газом. К счастью, не было того специфического запаха смерти, какой обычно бывает в домах, где кто-то умер. Пахло кофе.

– Я сварил кофе, сейчас принесу, и мы поговорим...

Вадим усадил нас на диване в столовой, а сам ушел на кухню. Мы с Лизой переглянулись.

– Знаешь, а хорошо, что так вышло, – сказала она мне шепотом. – Я ужас как боюсь похорон.

– Странная ты, Лизка. Так часто видишь трупы, а похорон боишься...

– Я всего боюсь, если честно. Ну?! Что я тебе говорила? Что-то в этой смерти есть криминальное, иначе он бы меня не вызвал... Просто позвонил бы потом, после похорон, и рассказал о своей беде. Если бы это был несчастный случай.

Вернулся Вадим с кофейником. Я бросилась ему помогать, пошла на кухню, принесла чашки, сахар.

– Как я уже тебе вчера сказал, на Машу напали собаки... Но не в Иловатске, а в Чернозубовке, в селе, в котором у нее нет ни одного знакомого. Никого! Как она там оказалась, что могла там делать – ума не приложу!

– А что, там, по этому селу, вот так запросто бродят собаки и нападают на местных жителей? Скажи, еще подобные случаи в Чернозубовке были?

– Не слышал. Да и никто из моих знакомых тоже.

– Где конкретно на нее напали?

– Можно сказать, за селом, вернее, это как бы продолжение села... Понимаешь, Чернозубовка довольно большая, но почти в самом ее конце есть небольшой лес, пересохшая речка с мостом, и вот позади моста, чуть на отшибе, находится ферма некоего Ефима Ананьева. И только после его фермы уже начинается пустырь, за ним – поля... Так вот. На Машу напали неподалеку от фермы. Можно сказать, у ворот... Но собаки утащили ее к пустырю, кусали, рвали на части...

– А что фермер? Он что говорит?

– Говорит, что ничего не слышал. Вернее, что-то похожее на крик слышал, спросил еще жену, не слышит ли она, и она ответила, что это по телевизору... У них в доме два телевизора. Она как раз смотрела фильм, и, вероятно, в этом фильме были женские крики... Сейчас же, сама знаешь, сколько каналов... И невозможно проверить, какой именно шел фильм.

– Но не допускаешь же ты, что этот Ананьев, зная, что кричат поблизости, не вышел, не отпугнул собак?

– Я был там, разговаривал и с ним, и с местными жителями. У него есть ружье, он мог бы застрелить собак, если бы только знал, что они напали на кого-то... Но он на самом деле ничего не слышал.

– Они не были знакомы – Маша и Ананьев?

– Нет. Я бы знал. Он вообще мало с кем общается. Мужик работающий, положительный. Недавно, вернее, год тому назад, женился. Хотя вроде бы они не расписаны, не знаю...

– Так, может, она пришла к жене этого фермера? Как ее зовут?

Лиза привычным движением достала блокнот, ручку и приготовилась записывать.

– Ее зовут Дина. Фамилии не знаю.

– Это случилось вечером?

– Да, вечером...

– А когда обнаружили твою жену?

– Тогда же и обнаружили. Мимо проезжали какие-то люди на машине, фары высветили стаю голодных собак, которые... Вызвали милицию, «Скорую»... Те приехали очень быстро, благо здесь близко... Но собаки не подпускали к ней никого... Стали стрелять по собакам... Кажется, одну убили, остальные разбежались...

Я видела, каким трудом ему дается этот разговор, мне захотелось даже выйти из комнаты, чтобы оставить их вдвоем: Вадима и Лизу. Я даже посмотрела на Лизу, мысленно спрашивая ее, не мешаю ли я их разговору, и, вероятно, у меня при этом было такое выразительное лицо, что она поняла меня и покачала головой, мол, никуда не уходи, останься... И я осталась.

Лиза продолжала задавать вопросы, и на ее лице я читала недоумение. Действительно, можно было понять убитого горем мужа, который, потеряв жену, все еще пытается понять, какая же нелегкая занесла ее на эту ферму, что ей там понадобилось, ведь, кроме фермы и пустыря, в округе нет ничего.

При себе у Маши не было вещей, кроме сумочки с обычным набором предметов: кошелек с деньгами, ключи, носовой платок, губная помада... Не было ничего, за что можно было бы уцепиться.

– Скажи, Вадим, она в последнее время не была странной? Может, у нее портилось настроение, когда ты с ней о чем-либо говорил? Может, у нее появились новые знакомые... Вспомни какие-то мелочи, бросившиеся в глаза.

Вадим мрачно заметил, что самая большая странность в этом деле – это как раз место, где на Машу было совершено нападение.

Разговор был трудный, я не могла не заметить, что Вадим утомился и, быть может, даже пожалел о том, что пригласил Лизу. Но Лиза продолжала упорно выбивать из него ответы на свои, казалось бы, простые вопросы:

– С кем дружила Маша? Опиши ее знакомых. С кем она общалась в последнее время?

Вадим, вздыхая, называл какие-то имена, фамилии, диктовал из записной книжки жены номера телефонов, адреса. Лиза все тщательно записывала. А потом вдруг подняла голову и внимательно посмотрела на него:

– Вадим, скажи, что ты от меня хочешь?

Казалось бы, она задала простой вопрос, но он почему-то озадачил Вадима.

– Думаю, мне больше всего хотелось бы узнать... – Он выдержал ее взгляд и, вздохнув, выдохнул: —... хотелось бы узнать, не убийство ли это.

– Убийство? – присвистнула я. – Да разве это может быть убийством? На месте вашей жены, Вадим, мог оказаться кто угодно... Прохожий, гость, звонка которого не услышали хозяева...

– Я все понимаю, кроме одного, – упрямо твердил Вадим, – что она делала там, возле фермы, да еще и вечером? Если у нее было дело к Ананьеву, то почему она не попросила меня о помощи?

– А может, все-таки это у Ананьева было к ней дело? Может, он предложил ей работу? – оживилась Лиза.

– У нее есть работа. Она работает в школе бухгалтером. Не свиней же считать она пошла к нему устраиваться!

– Ты сам говоришь, что на том месте, помимо фермы, нет ничего и никого, стало быть, ее конечной целью был все же дом Ананьева. Если только Маша не была не в себе и не забрела туда случайно... Скажи, у нее со здоровьем было все в порядке?

– Да вроде бы...

– Вадим, ты словно что-то недоговариваешь.

– А что, – предположил он, – если ее туда привезли и оставили – на съедение собакам.

– Если так, то следов протекторов мы сейчас там можем и не обнаружить – время прошло, да и компания из милиционеров и медиков все затоптала. Плюс – следы собак... Да у фермера-то наверняка есть машина.

– Говорят, что не одна.

– Тем более...

В дверь позвонили. Вадим нервно вскочил и бросился открывать. Вернулся с мужиной лет сорока, одетым во все черное. Седые волнистые волосы, вытянутое лицо, большие темные глаза.

– Вот, Лиза, познакомься, это Валентин Юдин, мой сосед и друг, получается, по несчастью.

– У вас что, тоже жену загрызли собаки? – холодно спросила Лиза, и мне показалось, что она утомилась от долгого и бесполезного разговора с Вадимом и теперь ее единственным желанием было поскорее покинуть Иловатск. Думаю, что именно этим обстоятельством и объяснялся ее тон и допущенная грубость по отношению к совершенно незнакомому человеку.

– Нет, не собаки. Ее в коллективе своем загрызли. Люди. Подружки. У нее после скандала на работе случился инфаркт... Вот, собственно, и все.

– Извините, – с трудом выдавила из себя Лиза.

Вообще-то у нее трудный характер. И я достаточно хорошо ее изучила, чтобы понять, что же с ней происходит. Холодный ноябрьский день, ожидаемые похороны, отвратительное настроение, да еще и Вадим, который сам не знает, чего хочет... Считает, что его жену убили.

– Что ты набросилась на человека?! – возмутился Вадим. – Я сказал так потому, что мы оба с ним теперь вдовцы, вот и все.

Юдин между тем достал из кармана свернутые в рулон деньги и протянул Вадиму.

– Вот, это то, что ты просил, а я, пожалуй, пойду... У меня там борщ на плите, а мне через полчаса на работу...

– Скажите, Валентин, – вдруг подала голос Лиза. – А вы что думаете по поводу того, что случилось с Машей? Что она делала там, на ферме?

– Я думаю, что у нее было какое-то дело к Ананьеву, но он не услышал, как она звонит...

– А что, там звонок имеется?

– Да это я так сказал, к примеру... Я никогда не был у него, не знаю... – Сосед поспешил уйти.

Я увидела, как Лиза в своем блокноте пометила: «Звонок?»

– Даже и не знаешь, что хуже – быть съеденной людьми или собаками?

Лиза снова позволила себе бестактность, после чего поднялась и, пробормотав про себя что-то беззвучное, направилась к выходу. Потом вдруг остановилась и посмотрела на Вадима:

– Я отвечу на твой вопрос, убили твою Машу или нет. Но чуть позже. Для этого мне надо встретиться с этим Ананьевым. Вадик, прими мои соболезнования... И всего хорошего... Да, чуть не забыла, мне нужен телефон твоей жены...

Я испытала отчего-то стыд за свою подружку. Уж слишком жестоко обошлась она с Вадимом. Она могла бы повести себя так, если бы не была уверена в том, что Маша вообще погибла. Или если бы подвергла сомнению слова Вадима. В любом случае что-то с ней случилось, раз она так поступила. А поскольку я ее подруга, то я была просто обязана поддержать Лизу.

– Я позвоню тебе, Вадим, – сказала она своему овдовевшему однокласснику, и мы как-то уж слишком поспешно покинули квартиру.

– Глаша, – сказала мне Лиза уже в машине. – Срочно свяжись с лабораторией, спроси у Норы, производилось ли вскрытие Марии Орешинной. Мне важно знать, что нашли у нее в крови: алкоголь, наркотики, снотворное... Если ничего такого нет, значит, она пришла туда по своей воле.

– Куда мы едем? – спросила я на всякий случай, глядя, как она задает программу навигатору.

– В Чернозубовку. Представляешь, приезжаем туда, а там все люди с черными зубами... Брр... что-то мне холодно стало...

Глава 6

2007 г.

Она проснулась рано, словно внутренний механизм самосохранения отключил сон, чтобы дать ей возможность осознать утром, что же произошло с ней вчера.

Дина открыла глаза. Комната. Незнакомая. Пошевелилась – ничего не болит. Значит, она жива и относительно здорова. И постель удобная, мягкая и теплая. Потянула носом. Пахнет чистотой и теплом. Повернула голову и увидела под окном батарею – дом отапливался, Ефим же показывал ей котел.

Дина встала, быстро оделась в удобную – штаны и свитер – одежду, застелила постель, сумку со своими вещами положила около кровати и вышла из комнаты. По памяти нашла ванную комнату, где привела себя в порядок. Оттуда направилась на кухню. В доме было тихо, Ефима не было. Значит, он где-то на улице или в свинарнике. Свинопас, вспомнила она.

Плита была холодная, значит, он не завтракал. Дина решила, что Свинопас, вероятно, ждет и от нее каких-то ответных действий. Он привез, накормил, постелил постель и выполнил свое обещание – не тронул ее. Теперь ее очередь проявить себя. Женщина в доме должна позаботиться о мужчине. Накормить его завтраком хотя бы.

Дина включила электрический чайник, открыла холодильник, достала оттуда буженину, масло, молоко, яйца... Приготовила гренки, сварила кофе, накрыла на стол и вышла из дома, чтобы поискать хозяина.

Сквозь серые ноябрьские облака просвечивало розоватое, несмелое солнце. Слева от крыльца темнел озябший, с укрытыми кустами роз небольшой цветник, справа – бетонированная площадка, чисто выметенная и какая-то голая, которая заканчивалась калиткой и строгой, в металлической рамке, сеткой-рабицей, за которой просматривались каменные постройки, вольеры... Должно быть, где-то там и находился хозяин этого огромного хозяйства – Ефим.

Дина позвала его, и он почти тотчас отозвался. Его немного сутулая, но крепкая фигура возникла на дорожке, ведущей к калитке, он быстрым шагом двинулся к Дине.

– Доброе утро, соня! – крикнул он. – Как спалось?

– Спасибо, хорошо. Завтракать будете?

Он подошел к ней, запыхавшийся, розовощекий и отчего-то довольный.

– Знаешь, как приятно, когда тебя зовут... Да еще такая красавица. Может, ты и завтрак нам приготовила?

Она заставила себя улыбнуться. Как можно искренне выражать свои чувства, если ты знаешь человека всего пару часов, а сердце ничего не подсказывает, молчит. Мало ли каких людей не бывает на свете.

Когда сели за стол и Ефим, покашливая и довольно улыбаясь, принялся за завтрак, Дина подумала о том, что они оба словно играют в мужа и жену. Сложная игра, учитывая обстоятельства. Мысли постоянно возвращались к Оле. Что она сейчас делает? Что ест? Как себя чувствует? Что думает о поступке матери? Осуждает или, наоборот, воспринимает ее как жертву обстоятельств?

– Знаешь, такие вкусные гренки! Все вкусно и приятно! Я понимаю, конечно, что тебе нелегко, но всякое начало трудное. Я вот работал сегодня утром и думал о тебе. Нет, за свиньями ты ходить не будешь. Пока ты не моя жена, оставайся дома как домработница. Если я не понравлюсь тебе, ты все равно в убытке не останешься – я же заплачу тебе, хорошо

заплачу. А если сговоримся о чем другом, если вместе будем, то тем более ни о чем не пожалеешь. Я тебе и золота куплю, и шубу. И все у нас будет хорошо.

Дина почувствовала, что краснеет. Никто и никогда, даже в самых своих смелых мечтах и обещаниях, не предлагал ей ничего подобного. Золото. Меха. Но если он такой щедрый, то почему же до сих пор никого не нашел? Куда же смотрят женщины? Не может такого быть, чтобы до нее, до Дины, за этим же столом не сидела какая-нибудь молодуха, мечтающая так же, как и все нормальные женщины, о нормальной семье, достатке, о том же золоте, подарках? Что не так с Ефимом? Может, спросить напрямую?

– Ефим, почему ты до сих пор один?

– Не знаю... Так случилось.

– Может, все дело в тебе? Может, у тебя характер трудный? Так ты скажи. Или у тебя какая особенность, которая отворачивает женщин?

О последнем вопросе она тотчас пожалела. Оскорбила, обидела мужика.

– Есть одна особенность – если женщина не нравится, не могу с ней жить. Но, думаю, это особенность всех нормальных мужиков. Еще вранья не люблю. Если что не так – ты мне прямо говори, не юли. Если проблема какая – озвучь, не старайся, чтобы я сам догадался. У меня в голове знаешь сколько разных дел и проблем, которые запомнить и решить нужно?! Со мной надо просто, честно и ласково, тогда все будет в порядке.

Дина подумала, что и ее он тоже выгонит – вопрос только, когда именно он узнает о существовании Ольги. Сейчас самое время было признаться о том, что у нее есть дочь, но получится, что она уже обманула его, а значит, будет обманывать и в дальнейшем. Или, если не дурак и добрый, поймет, почему она солгала – боялась остаться на улице с голодной дочкой... И тогда он спросит, как же это ты, голубушка, умудрилась так прожить всю свою молодую жизнь, что не нажила настоящих друзей, подруг, что у тебя нет родственников, которые приютили бы временно, пока ты не найдешь работу, не встанешь на ноги? Значит, такая ты безответственная и бездушная, что живешь одна, без друзей.

Но пока что он еще не догадался с ней об этом поговорить. Да и не нужны были все эти душещипательные разговоры. Главное для нее в данной ситуации – выжить. А чтобы выжить и не потерять работу, пусть даже и служанкой в этом доме, надо приспособиться к хозяину, а может, если получится, и влюбить его в себя, и женить. Вот тогда и разговор у них будет другой. А за то время, что пройдет до той поры, она разберется, что он за человек, и, если окажется, что стоящий и не болтун, то она сделает все возможное, чтобы он не смог без нее, чтобы тосковал в ее отсутствие... Напишет она ему письмо, во всем признается и уйдет, на время, чтобы он обо всем подумал... И, когда все поймет, простит и позовет обратно, она вернется уже с Олей. Вот и весь план.

А сейчас что мужику нужно? Вкусно поесть. Чтобы в доме было чисто. Белье постирано-выглажено и разложено по полкам. Все это она умеет. Ей нужно время, чтобы осмотреть дом, найти все необходимое для уборки, стирки...

– Мне самой решать, чем заниматься, или указания какие будут? – спросила она после завтрака, складывая посуду в раковину.

– Представь, что ты моя жена, – вот и решай, что делать да как себя вести... – Ефим продолжал сидеть за столом, откровенно любуясь Диной. – И посуду мыть руками не обязательно, осмотришь и найдешь посудомоечную машину. Изучи инструкцию... Все инструкции по бытовой технике в шкафу, на верхней полке. Думаю, со всем разберешься, а если что не поймешь – спрашивай.

Он встал и сделал несколько шагов ей навстречу. Остановился напротив, близко-близко, слегка коснулся рукой ее руки. Потом поднял указательным пальцем ее подбородок и мягко так, нежно поцеловал в губы.

– Все, это аванс, остальное – когда-нибудь потом. – Он вздохнул, и вздох у него получился какой-то счастливый. Он быстро вышел из кухни и уже через несколько минут вернулся с металлической емкостью, полной мяса. – Вот, готовь, что хочешь, что умеешь... Да, у меня Интернет есть на втором этаже, в моем кабинете... Можешь рецепты найти, если не знаешь...

– А ты что любишь-то?

– Я ем все!

С этими словами он ушел. Дина осталась одна в доме. Мясо, мясо... Что она может приготовить сегодня из мяса? Шашлык, эскалоп, свинину, жаренную в сухарях, с грибами, тушенную с кислой капустой, отбивные, запеченные под майонезом...

Откуда взялись названия этих блюд, Дина не могла ответить даже себе. Ведь с недавних пор мясо она видела лишь на рынке, особенно дорогую свинину, и позволить могла себе лишь обрезки да сало. Теперь же, глядя на это мясное изобилие, она спрашивала себя: это как же надо было прожить жизнь, чтобы загнать себя в такую унижительную нищету, довести себя и дочь до состояния голодных бомжей? В чем ее вина? Вроде не дура, в школе хорошо училась, да и угол свой всегда был. Теперь же у нее нет ничего, кроме надежды на замужество и возможности каким-то образом помогать брошенной дочери.

Свой первый день, прожитый на ферме Свинопаса, она запомнила до мельчайших подробностей. Ощущение не принадлежащего ей, а от того какого-то обманчивого комфорта не покидало ее все это время. Хотя, встречаясь с Ефимом то во дворе, то в доме, не могла не чувствовать его жадные взгляды. Понятное дело, что он несколько одичал здесь, вероятно, у него долго не было женщины, а потому он находился в плену вполне определенных желаний. И вот Дине предстояло испытать на себе этот накопившийся мужской напор и, по возможности, не разочаровать Ефима, если она собирается стать ему женой. В сущности, она чувствовала бы себя намного спокойнее, если бы не ожидаемое предложение вступить с ним в близость. Посматривая на него, она пыталась понять, что же представляет собой этот крепкий сутуловатый фермер, доживший до зрелого возраста и так и не сумевший создать семью. Может, у него какой изъян? Она готова была принять его импотенцию, больше того, она бы обрадовалась, если бы этот здоровый мужик оказался слабаком в постели. Ее бы вполне устроила совместная жизнь, не осложненная половыми отношениями. До встречи с Ефимом ей приходилось иметь дело с мужчинами среднего порядка – ни особой силы, ни фантазии. С ними было просто, а потому неинтересно. Однако – вполне предсказуемо. Чего ждать от Свинопаса?

Между тем она целый день что-то готовила, убирала и ближе к вечеру поняла, что если она и дальше будет так изводить себя непосильной работой, то сил и времени на хозяина дома у нее просто не останется. Да и кому нужна уставшая, что называется, в мыле, женщина? А потому она вовремя остановилась, приняла ванну и даже успела немного поспать перед ужином. И только проснувшись, первый раз вспомнила про Олю. Подумала, что должна каким-то образом переправить ей вкусную еду, пусть девочка наестся. Но как? Нет, в первый день невозможно проситься в город. Кстати говоря, неплохо было бы узнать, каким образом, помимо собственного транспорта, можно отсюда добраться до города. Где остановка автобуса? Расписание рейсов.

– Я рад, – сказал Ефим, умытый и переодевшийся во все чистое, сидя за столом, уставленным едой. – От твоих котлет так пахнет, что у меня уже кружится голова... А это что такое, аппетитное, поджаренное?

– Свинина под майонезом, – ответила раздумывавшаяся Дина. Она знала, что выглядит сейчас хорошо и что Ефим посматривает не столько на еду, сколько на обтянутую тонким свитером ее полную грудь.

– А это? – Ефим показал взглядом на разложенные на тарелке ломти мясного рулета с желтым яичным глазом посередине.

– Рулет. Он может долго храниться в холодильнике... в фольге... Ефим, если я приготовила слишком много всего, ты скажи. Просто я давно не готовила, и мне было приятно этим заниматься...

– Мне нравится твоя искренность, да и ты тоже нравишься. Очень нравишься. Ладно, потом об этом поговорим. А сейчас давай кушать. Я так устал, так проголодался... И это хорошо, что ты успела так много приготовить...

Дина не могла понять, почему такой симпатичный, милый и щедрый человек до сих пор не женат. Может, она еще чего-то недопонимает? Что отталкивало от него прежних его женщин? Или, может, он когда-то был скупым и жестоким, с дурным характером, а потом что-то сильно повлияло на него, и он изменился? Нет, в это Дина бы никогда не поверила. Человек редко меняется. Да и с чего бы ему меняться? У него все есть. На ее взгляд, у него не было явных, видимых причин, заставивших его измениться. Значит, ей еще только предстоит узнать, что с ним не так и почему он до сих пор один.

После ужина он долгое время мылся в ванной комнате, даже напевал там что-то. Дина же убирала со стола, мыла посуду, вернее, пыталась освоить посудомоечную машину. Да, жизнь дала ей очередной шанс, как выкарабкаться из того болота, куда она загнала не только себя, но и Олю. Неужели господь не забыл ее и продолжает думать о ней? Взять хотя бы появление на вокзале той женщины, «волшебницы». Если бы не она, не сняли бы они квартиру, так и скитались бы по вокзалам, а может, и вовсе спустились бы в канализационный люк, чтобы не замерзнуть...

При этой мысли Дина чуть не задохнулась. Канализация. Или тепловые коллекторы. Это уже слишком. Нет, она сделает все возможное, чтобы остаться в этом доме, а потом стать хозяйкой. Она постарается угодить Ефиму. Ну что такого может он, этот Свинопас, от нее потребовать, чтобы она не смогла сделать? Вытерпеть его импотенцию? Да сколько угодно!

Мысли вертелись вокруг одной и той же темы. Дина считала, что в неудавшейся жизни Свинопаса виноваты именно не сложившиеся интимные отношения. Поскольку в характере его она пока еще не увидела ничего отталкивающего, невыносимого.

Дина, так и не дождавшись Ефима, отправилась в свою комнату и прилегла на кровать. И не заметила, как уснула. А когда проснулась, Ефим был уже рядом, он сидел на ее кровати и держал ее за руку.

– Дина... Господи, какая же ты красивая... Может ты... ты... разденешься?

Глава 7

2008 г.

Владение Ефима Ананьева находилось на самой окраине села Чернозубовка. Село и ферму разделяли небольшой черный лес и черная речка с черным мостом.

– Лиза, мне кажется, что даже туман, который клубится над фермой, какой-то черный...

– Успокойся, – отмахнулась от меня Лиза, устраивая машину напротив массивных металлических ворот. – Просто хозяин что-то жжет. Или опаливает свиную щетину, чуешь, какой запах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.